

Что остается с нами навсегда...

> Олег Парамонов одинаково предан работе и музе

В РАМКАХ КОНКУРСА «Учитель года России-2010» состоялся вечер встречи с конкурсантами прошлых лет – причем не год-два назад, а с самого начала конкурса, который стартовал в 1990 году по инициативе «Учительской газеты» – тогда еще выбирали лучшего учителя Советского Союза.

Потому что конкурс, как заявили участники встречи, остался с ними навсегда – и по мере возможности каждый год они снова собираются вместе, чтобы принять участие в судействе, провести мастер-классы по своим предметам и наоборот – чему-то научиться у конкурсной молодежи.

Еще на открытии конкурса первый заместитель министра образования и науки Челябинской области Владимир Садырин довольно ярко рекомендовал нам своего друга Олега Парамонова – «Учителя года-1993». Он блестящий литератор – как учитель, а ныне преподаватель, так и поэт, издавший восемь книг («Девятую еще не успел», – улыбается Владимир Садырин). Наш земляк – родился в Усть-Катаве, правда, теперь живет и работает на Брянщине. Недавно стал профессором, может прочесть любое стихотворение, поскольку знает практически всю поэзию... И уже сложилась традиция, что в одном из этапов конкурса, когда из 15-ти участников набирается пятерка финалистов, он на каждого пишет эпиграммы: «Словом, с ним вам точно будет о чем поговорить», – резюмирует замминистра. А Олег Геннадьевич, пока длится эта тирада, краснеет от смущения.

– Скажите сразу: это теперь уже стало хобби – ездить каждый год на конкурс?

– (Смеется). И хобби, разумеется, и приятное времяпрепровождение, на котором я черпаю много полезного. Надо сказать, я благодарен «Учителю года», который в прямом смысле изменил всю мою жизнь, которая, как и у любого учителя, была довольно однообразной. А став победителем конкурса, получил возможность работать в Германии, в Будапеште, многое увидел, узнал...

– Это тогда на конкурсе вам делали такие щедрые подарки?

– Нет, просто мне довелось участвовать в нем в довольно сложный период. Это был октябрь 1993-го, когда снова «брали» Белый дом. А второго числа в Останкине проходил финал «Учителя года», и я проводил урок, поскольку сейчас финал – просто шоу, на котором раздают «Пеликанов», а раньше это была часть конкурса. И на сцене стояли парты, конкурсанты проводили уроки, работали жюри – общественное, детское и профессиональное, активное участие в действе принимал Ролан Быков... А на следующий день там уже стреляли. И парты, где еще вчера сидели дети, пошли на баррикады. Теперь они в музее Останкина – простреленные парты. Очень знаково, мне кажется. Словом, вручение «Пеликана», а вручить его мне должен был сам Ельцин, не состоялось – по понятным причинам. Я вернулся в Брянск и работал у себя в гимназии, несколько раз приезжал в Москву, но Борис Николаевич был занят, занят, занят... И вот уже в мае следующего года, в канун нового конкурса я снова приехал – и опять «Пеликана» мне вручить не смогли, но, извиняясь, предложили: а может, поработаете за границей? Я, как вы понимаете,

с большим удовольствием отказался от статутки в пользу такого опыта – и на три года поехал в Берлин, работал в школе при нашем посольстве. Это было замечательное время – еще и потому, что именно в Германии вышел мой второй сборник стихов, его спонсировали сами немцы. Через три года вернулся в Брянск, а потом снова уехал на два года – на этот раз в школу при посольстве России в Будапеште. И через два года снова вернулся в Россию – уже навсегда.

– А почему не остались за границей?

– Как это ни пафосно звучит, я понял, что нужен своей стране. К тому же, все, что хотел, я посмотрел, заграничная жизнь меня не устраивала... Да и в России к тому времени начались крутые перемены, опять же, в связи с конкурсом: его победитель не просто возвращался в свою школу и продолжал работать, а был востребован по всей стране. Вот я, к примеру, объездил всю Вологодчину, Тюменскую область, на днях вернулся из Сибири, дважды был в Чечне, а сразу после конкурса у вас лечу в Салехард, Ноябрьск и так далее...

– То есть, школа все-таки потеряла учителя в вашем лице?

– Как раз наоборот, приобрела. Я ведь ездю по России и даю уроки. Зачем, к примеру, учителям из глубинки ехать на мастер-класс или семинар в Екатеринбург? Почему бы мастеру из Екатеринбурга не приехать в ту самую глубинку?.. Я приезжаю в сельскую местность, узнаю у детей, что они проходят по литературе на данный момент, вклиниваюсь в тему, даю по ней урок, на котором присутствуют все учителя, – человек 20–30... Потом провожу мастер-класс для учителей, потом – «круглый стол», на котором делюсь опытом с ними, а они – со мной, потом – поэтический вечер, где я читаю свои стихи...

– Понятно: этикие педагогические гастроли...

– (Смеется). Совершенно верно. И так ездю не только я – Артур Заруба, мой приятель и победитель конкурса

в 92-м году, другие участники прошлых лет... Школа «заказывает» нас в зависимости от того, какой предмет их интересует. И мы едем: литератор, физик, математик...

– Вы же, я так понимаю, и в брянской школе должны преподавать... Как удается совмещать труд на месте с выездами «на поля»?

– Очень просто: я работал со своим другом, по совместительству – директором школы. И мы договорились сразу, что я, во-первых, беру не так много часов, во-вторых, начитываю детям материал сразу в течение, например, месяца, а потом могу быть свободным целый месяц.

Так в свободном полете я пробыл довольно длительное время, но теперь на Брянщине, к сожалению, сложилась не очень здоровая

атмосфера в образовании: уволили начальника департамента, стали зачем-то резко омолаживать коллектив директоров школ... Под «раздачу» попал и мой друг, и я ушел из школы вместе с ним – в поддержку, так сказать. А до этого ко мне часто обращался ректор нашего университета с предложением работать у них. Как только оказался свободным, я тут же поступил на службу в университет и даже стал профессором.

– Какое-то время вы были председателем жюри «Учителя года»...

– Председателем жюри года нынешнего был победитель прошлогоднего конкурса, и я не был исключением. В момент проведения конкурса, на котором я должен был председательствовать в жюри, я уже был в Германии. Разумеется, меня вызвали, оплатили дорогу, командировочные... Это обошлось конкурсу в копеечку, и, вероятно, организаторы прикинули: а если следующий победитель будет работать, к примеру, в Америке – во сколько им обойдется его командировка? И решили избрать постоянного почетного председателя жюри, коим и стал тогдашний ректор МГУ Виктор Антонович Садовничий, которому я торжественно передал эстафету председателя жюри конкурса «Учитель года», и этим горжусь.

– Какие изменения претерпел конкурс?

– Пожалуй, основное – география проведения. Когда министром образования страны стал Фурсенко, он решил проводить конкурс не только в Москве, а по всей стране – на родине победителя. И я считаю, это правильно. Конечно, многие конкурсанты никогда не видели Москву, финансовое положение учителей – сами знаете, не до поездок. А на конкурсе обычно возят на экскурсию, водят в театр, причем хороший, где выступают известные артисты... Но нам, членам жюри, очень интересно именно ездить по стране, наблюдать уровень подготовки учителей, оснащенности школ... Опять же, есть возможность договориться о сотрудничестве и посещать эти края с, как вы говорите, педагогическими гастролями.

– Еще вы сказали, что раньше вручение «Пеликана» проходило в конкурсный день...

– Совершенно верно, на церемонии закрытия конкурса не был известен победитель, которого определяли здесь же из пятерки финалистов, по итогам открытого урока на сцене. И в зале работало три жюри – детское, общественное и профессиональное. Почему мы отказались от этого принципа? Если в зале хорошая поддержка, если человек под ее воздействием отлично держится на сцене, ведет себя более выигрышно, зал ему аплодирует, общественное и детское жюри отдает ему победу... А методика урока объективно лучше у другого претендента, который блеснул на уроке в школе, а не на сцене в финале... Присудить заслуженную победу второму – зал не поймет. И мы решили: пусть оценивают профессионалы, а элементы шоу оставим на финал. Еще о новинке в конкурсе, и это очень важно: обеспечение техническими средствами конкурсантов, которые блестяще ими владеют. И это пораждает.

– А вы разве не владеете тем же компьютером, интерактивной доской, которыми оснащены практически все школы в стране?

– Нет, когда меня спрашивают об этом, я отвечаю:

*Переходя с компьютером на ты,
Я, как поэт,*

*скажу без отлагательств:
Служенье муз не терпит суеты.
Тем более –*

технических вмешательств.

Поэтому я служу музеам посредством рук, голоса и самого обычного мела. Хотя однажды я попытался соединить себя с техникой. Сразу после конкурса я в Москве буду проводить открытый урок на тему «Мы сохраним тебя, русская речь». Там мне нужен текст, который все бы видели и обсуждали. В классе это сделать легко – распечатать листы. Здесь же я впервые буду работать в большом зале с большой аудиторией. И я хотел, чтобы был телетекст, электронная доска и компьютер, куда бы я вставил флЭшку.

– Боже мой, сразу видно, что вы не гуру в компьютерах, так мило вы произносите это слово – правильно говорить флЭшка.

– (Смеется). Ну да, это я специально называю ее так – уничижительно: флЭшка – плЭшка... Ну, пусть будет флЭшка. Так вот, мне отказали: мол, чтобы из-за меня тащить в зал все названное. И тут я окончательно понял: значит, бог сказал – не надо, не твое это дело, занимайся тем, чем занимаешься. И знаете, ведь не случайно и Пушкин, и Лермонтов писали свои стихи и дневники гусиным пером, хотя в то время уже имелось стальное. А потом и Бунин возмущался: как это так – писатели могут работать на пишущих машинках? Вот ведь оно, продолжение мысли – рука, а ее продолжение – бумага и ручка. И он сам всю жизнь писал ручкой и так и не освоил пишущую машинку. И я пишу ручкой. А вот наши конкурсанты отлично дружат с оргтехником, и это блестяще.

– А помог ли конкурс поднять престиж профессии учителя? Вот, я вижу, Первый канал активно начал освещать его работу...

– Конкурс, в котором принимал участие я, освещал телеканал «Россия». Трансляция была через месяц, помню, как ко мне прибежал мой сосед с криком: «Тебя показывают по телевизору!» Теперь конкурс стал более громким, действительно, за его освещение взялся Первый канал, и даже была специальная программа – «Пусть говорят», по-моему. Но там к теме подошли очень однобоко: пригласили известных представителей канала – того же Андрея Малахова, Елену Малышеву, которые пригласили своих учителей... Нам почему-то показали аттестат Филиппа Киркорова, и, хоть у него там были одни пятерки, его почему-то сразу окрестили «Филькиной грамотой»... И участников конкурса, его победителя отнесли в сторону. А это, я считаю, неправильно. А престиж профессии, вы правы, нужно поднимать, я уж не говорю о зарплате. И очень все это грустно. А в последнее время учителей вообще стали обвинять во взяточничестве, это меня приводит уже в негодование. Я часто участвовал в программе «Пусть говорят», когда тема была мне близка, но однажды отказался, когда узнал, что там будут говорить о взяточничестве среди учителей. По этому поводу я написал стихи:

*В столице или Вятке,
но наш удел таков:*

*Для педагога взятки –
любовь учеников.*

*Невелика зарплата,
а труд неоценим.*

*Я взяточник, ребята,
Поскольку я люблю.*

Вот и все ☹

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

> Даже на уроках информатики компьютер не заменяет живого слова учителя. Константин КУШНЕР